

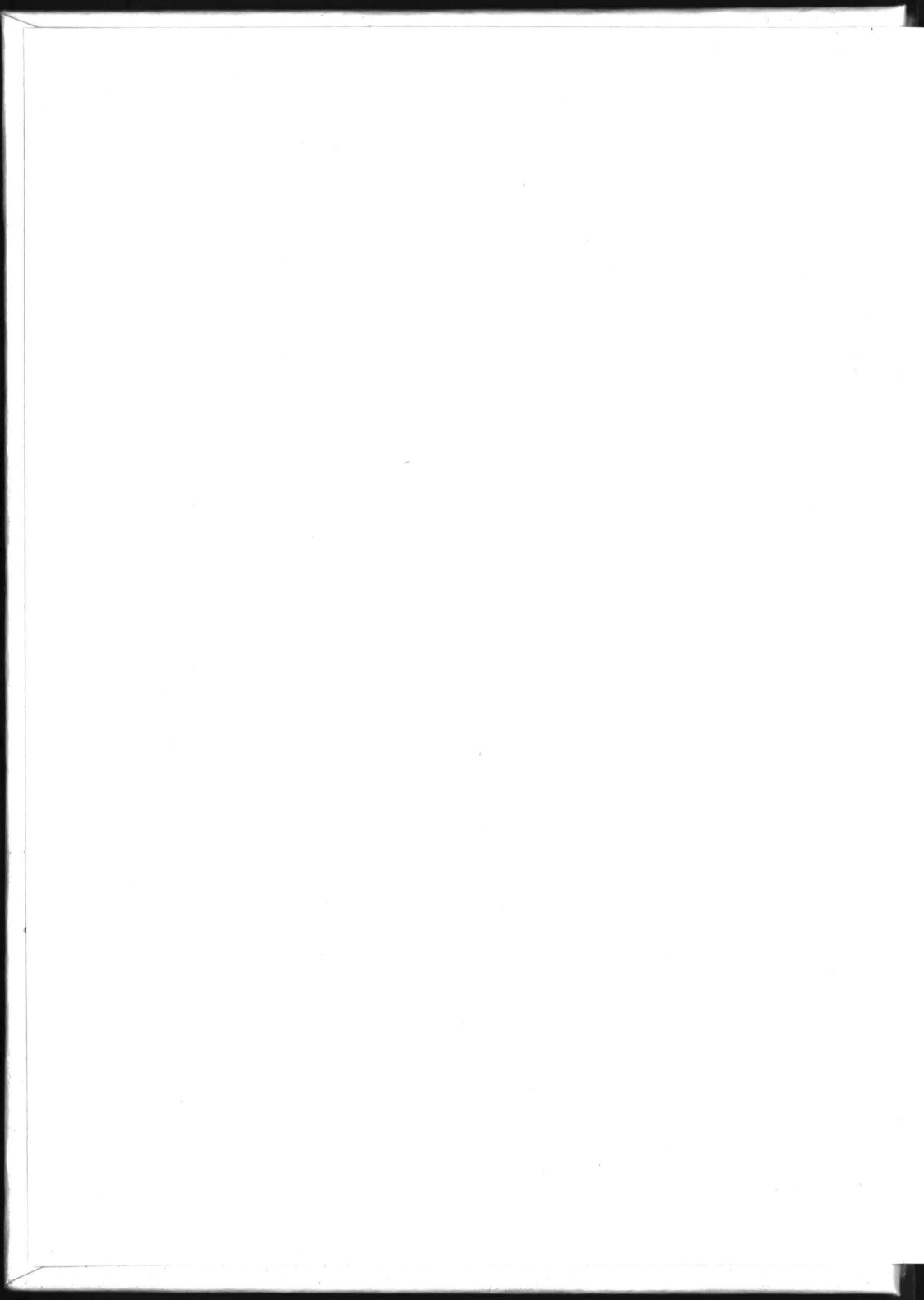
84(2=44.2)6-7

1730

Олег ПЕТРОВ

ТРИНАДЦАТЬ ПОДВИГОВ

Олег ПЕТРОВ

ИРОНИЗЬМЫ В ДВУХ ТОМАХ
том третий (что не вошло во второй)

Аз, Буки... Висолицус,

**или Тринадцать
подвигов Шишкина**

*Окончание описания
подвигов и кое-что из
будущего творческого
наследия нашего главного
героя. По понятным
причинам, имена и места
событий изменены. Любые
аналогии неуместны.*

Издательство ПАО «Республиканская типография»
Улан-Удэ • 2017

К 84+84(2=419.2)6-7

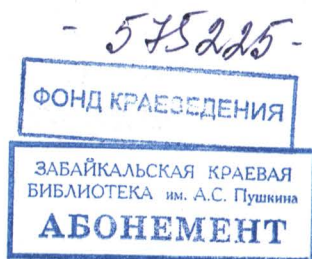
УДК 821-311.

ББК 84(2Рос=Рус)

П 30

П30

В авторской редакции
и авторском дизайне

Петров, О.Г.

П 30 Аз, Буки... Vicolicus, или Тринадцать подвигов Шишкина: повесть в историях (окончание). БОНУС. Стихобреньки. Дневник. / О.Г. Петров. – Улан-Удэ: Изд-во ПАО «Республиканская типография», 2017. – 440 с: ил.

ISBN 978-5-91407-158-2

УДК 821-311.
ББК 84(2Рос=Рус)

© Олег ПЕТРОВ, 2017

© Издательство ПАО «Республиканская типография», 2017

Олег ПЕТРОВ

АЗ, БУКИ...
V̄COLICUS,

или

***Тринадцать подвигов
Шишкина***

(подвиги девятый – тринадцатый)

БОНУС!

Из будущего творческого наследия
А.С. Шишкина

СТИХОБРЕНЬКИ

ДНЕВНИК

-
- *Мадам, вы были замужем?*
– *Да, три раза.*
– *Как звали вашего первого мужа?*
– *Том.*
– *А второго?*
– *Том.*
– *А третьего?*
– *Тоже Том.*
– *Том первый, Том второй, Том третий...*
– *Да я, смотрю, вы любительница почитать!*

(Из переписки автора с читателями)

Часть третья. «В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...»

*Прошелъ огонь и воды и мѣдныя
трубы, какъ водка; пройдоха.*

**В.И. Даль. Толковый словарь живаго
великорускаго языка. Санкт-Петербург –
Москва, 1882. – Т. IV, стр.435**

Подвиг девятый. ЧРЕЗ ОГОНЬ, ВОДУ И ТРУБЫ, или История одного отравления

1.

«Скушно будет – зови» – яснее ясного конкретизировала Анжелика взаимоотношения с Шишкиным-младшим. Но мальчик не звал! А потом выяснилась причина такого наплевательского отношения ко всей её, Анжелики, неотразимости и доступности. Каков наглец! Она, понимаете ли, сделала для него исключение – изменила своему принципу: выбирать – с кем и когда – и что? Ладно бы, игнорировал по причине несколько неудачного начала их близости. Ну, там, смущён, обескуражен... А он попросту поставил на ней крест и связался с какой-то кашуланской дояркой!

И Анжелика ещё больше прониклась желанием записать этого гордского молокососа на свой «боевой счёт». И что же? Несмотря на учащённое мелькание Анжелики пред очами молодого учителя, безрезультатно прошёл январь, потом февраль, канул в Лету март... И даже наличие в календаре Большого Весеннего Праздника толку не имело. Анжелика с таким безразличием столкнулась впервые. И это с каждым днём усиливало её жгучее желание уже не просто намалевать очередную звёздочку на фюзеляже/стволе, а сотворить нечто, достойное фантазии леди Винтер, причём, по методике коммерции Советника из киносказки «Снежная королева», которую недавно снова прокру-

тили в ДК по заявкам чмаровской детворы. Как там угрожал Советник? «Я: а) – отомщу, б) – скоро отомщу и в) – страшно отомщу... Вот вам!»

И вот тут, дорогой читатель, попробуй-ка решить одну задачку.

Если условно разделить медиков на некие профессиональные группы, просматривается следующее.

Первая группа – теоретики здравоохранения. Это у которых всегда и всё гладко на бумаге, но присутствует неизлечимая амнезия в отношении практических оврагов. Как правило, такие эскулапы безраздельно оккупируют кабинеты государственных органов управления здравоохранением. Попасть в эту привилегированную страту возможно лишь по номенклатурному «блату», но непреложным условием было и остаётся откровенное или хотя бы деликатное забвение так называемой Клятвы Гиппократы.

Понятно, что от нижестоящих медицинские начальники требуют клятву соблюдать неукоснительно. По незыблемому для обслуживающего персонала закону: «Клиент всегда прав». Пришёл больной на приём и что-то его не устроило. Строчит он жалобу или попросту жалится по телефону в соответствующий отдел здравоохранения. И оттуда немедля грозный рык или наезд проверяющего (а то и целой комиссии!): «Ну, чего вы тут ОПЯТЬ натворили?!». Быстро находится виноватый стрелочник, в смысле эскулап, или даже целая группа злодеев – и организуется «дело врачей». Теперь они строчат объяснительные, хотя любые объяснения помогают им как мёртвому припарки. А медицинский начальник обзирает всё это свинцовым взглядом Великого Экзекутора и размышляет о степени кары. Нет, в тюрьму не посадят, к стенке не поставят, а вот «волчий билет» выписать – это запросто. Но для начала лучше рублём вдарить.

Самое забавное, что когда медицинский начальник сам работал и даже возглавлял конкретное лечебное учреждение, он твёрдо следовал корпоративному принципу: всё стоят стеной, никто ни в чём не признаётся, а пациент-жалобщик – это наглый и беспардонный склочник.

А ещё начальники из управленческих структур любят прекраснодушные отчёты с мест. При этом амнезия прогрессирует: совершенно вышибло из памяти, как сами негромким словом поминали в больнице или поликлинике райздрав или облздрав, которые требовали показателей положительного роста, а не реальной картины.

Здравоохранение – не исключение. Всё сказанное можно в полной мере отнести к народному образованию, как и к иной отрасли, где имеется вертикальная структура управления. А потом ещё и возмущённо всплеснуть ручонками: чем они там наверху, в столице, думают, где здравый смысл?! А здравый смысл давно сдох за цифирьками отлакированных отчётов и бравурных рапортов с мест, пройдя мелкоячеистые сита на уровне района, области, министерских кураторов региона. Правды хочется? Ну тогда жди с того самого столичного верха грозного окрика, наезда проверяющего (а то и целой комиссии). И кары Верховно-Превеликого Экзекутора-Прокуратора. И никакой гарантии, что в начальственном кресле останешься. А так хочется сидеть на мягоньком, при благах и привилегиях, да начальственный рык в низовья подавать...

Вторая группа – это практики. Они лечат людей по тем медстандартам, которые им вдолбили за время учёбы в медвузах. И даже иногда Клятву Гиппократову фрагментарно припоминают. «Не навреди!» скандирует эта самая многочисленная группа врачей, подзабыв, что в упомянутой Клятве Г. такого прямого постулата не содержится. Авторство тут трудно кому-то приписать, уж больно стар этот краеугольный принцип медицинской этики – *primum non nocere* – «прежде всего – не навреди». Да и применяют на практике медики его по-разному. Одни делают акцент на первой части – «прежде всего!» Имеется возможность с больным не связываться – воспользуйся ею. Остальным деваться некуда – пытаются лечить. Ну, уж тут как получится... Хорошо, если учился хорошо (вот такой незамысловатый каламбурчик!). А если с тройки на отработку перебивался? Не отсюда ли пошла скорбная шутка, что у каждого врача к концу его медицинской практики за спиной вырастает маленькое кладбище? И кстати, винить волшебника в белом халате, что он где-то волшебником не оказался, никаких оснований нет. Как умеет, так и лечит. Беда только в том, что лечить – не гайки точить. «Запорол» гайку – бросил в ящик с надписью «Брак», а «запорол» пациента?.. Но не будем о грустном в деле охраны здоровья. Всё равно большинство представителей практической медицины лечат, а не калечат. Не вредят, короче.

Но есть и третья группа – новаторы-экспериментаторы. Эти всегда в поиске. Как чего-то нового, так и забытого, припорошенного пы-

лю, поднятой молодецкой поступью прогресса. Новаторы – это неплохо. Если они тоже следуют постулату «не навреди». А вот с экспериментаторами – тут посложнее. Когда такие ибн сины сидят в лабораториях среди белых мышей и пробирок с микроскопами – глаз не нарадуется! Но когда они выходят в народ... Тут уж одно из трёх: либо вижу больного, либо чувствую «бабло», либо предвкушаю славу медицинского светила.

В первом варианте всё просто – ищу способ исцелить. Второй – и комментировать не стоит. Тут большой разницы между пациентом и подопытной белой мышкой не уловить. А вот целенаправленный поиск славы – это что-то! Хочется глобальной, всепланетарной, но зачастую приходится ограничиваться более скромными масштабами, вплоть до метража отдельно взятого лечебного учреждения. И тогда уже не до принципа «не навреди».

В экспериментальном раже авиценны кидаются на поиски чего-то бесполезного с лечебной точки зрения, но эффективного, пусть и кратковременно. Тут уж всё идёт в дело, вплоть до квазинаучного обоснования откровенно шарлатанских поползновений. И шарлатанством проникается либо сам экспериментатор, либо подтягивает к себе какого-нибудь доморощенного знахаря, в худшем смысле этого понятия, либо банальной пиявкой присасывается к уже о себе заявившему. Типа – «я и группа соавторов», «рядом с Джунгой», «мы с Кашпировским» и т.п.

Но остановим наши социологические исследования. Тем более, что они имеют некоторый изъян. Между обозначенными стратами чётких границ нет. «Всё смешалось в доме Облонских...» Но справедливости ради, следует подчеркнуть, что абсолютное большинство врачей – это Медики с большой буквы, которые за грошовую зарплату делают всё возможное для исцеления страждущих.

И к этому отряду по праву следует отнести нашу Анжелику. Или нет? Вот и вопрос задачки.

Однако, вот, что случилось. Анжелике, воленс-ноленс, ни достаточно глубоко усвоенные фельдшерские знания, ни уже довольно заметный практический опыт, как и жизненный вообще, не могли подсказать ничего сильнодействующего против безразличия Шишкина-младшего. И добросовестный сельский медик Анжелика Фёдоровна Заиграева всё более и более проникалась убеждением, что панацеей в данном конкретном случае может быть только одно

– обращение к бабке СидОрихе. Естественно, не как к самогонщице, а как к знахарке. Маруську-то свою непутёвую отпаивает какими-то снадобьями, в который раз уберегая от «психушки». И девкам чмаровским иногда чего-то там всучивает – в качестве приворотного зелья. Анжелику это всегда смешило, но она не могла не заметить, что зелье-то срабатывает! Что там настаивает-варит Сидориха – но действует! Глядь, – и присушило паренька к изнывающей зазнобе!

И без пяти минут отличница народного здравоохранения отправилась к бабке Сидорихе.

– Энто как ты, раскрасавица наша, сподобилась? – ехидству Сидорихи не было предела. – Вся така образованна и современна, а к дремучей старухе на поклон припёрлася! Да кабы с болячкой какой! В ухе-брюхе, в заднице вертлявой, в головёнке трухлявой. Ан нет! – душевна рана! У тебя ж в околотке таблеток-порошков, мазей-микстурок – цельный шкаф набитый! Хоть месяц хрусти-запивай!

Анжелика заведомо дала себе слово стерпеть любой наезд. И сжимала зубки, потупив глазки.

– Аль сдохла твоя лекарска лошадёнка на энтот случАе? Но... Губа толста – кишка пуста... Но... А чо жа – не девствует тако бравое обличье-то? Титьки – торчком, задок – тычком, мордёнка – смазлива, да, можа, девка спесива? Но, каво молчишь?

Сидориха резво поднялась с лавки и шмыганула к линиялой занавеске, отделяющей кухню от комнатёнки.

– Машка! Лопухи свои не востри! Урок учи! – Это она внучке-девятикласснице, поняла Анжелика. С досадой припомнила, что Шишкин-младший как раз классноруковОдит в девятом. Благо, туповата девка, не дотумкает, о ком речь идёт. Но, вот, что фельдшерица заявила приворотное зелье клянчить... Хотя она, как бы, недоразвитая.

– Ефимья Сидоровна, я ж говорю, подруга моя городская ополумела, – для комнатёнки за занавеской проговорила Анжелика, когда бабка снова уселась напротив. – Ну, дуркует девка, что с ней поделать! Городских-то всех знахарей перебрала, гомеопатов всяких, экстрасенсов...

– А энто чо ишшо за каша с киселём? – нахмурилась Сидориха.

– А-а... – махнула рукой Анжелика. – Развелось жуликов до рубликов чужих охочих. То воду бубняжом своим чуть ли ни лекарством от

всех болезней объявляют, то проволочки у людей над головами крутят, типа порчу снимают, то какие-то порошки втридорога болезным продают...

– И чо жа, не помогут твоей... подружнице? – прищурилась Сидориха. – Дык, а я-то ей чем тады подсоблю? Воду не заговариваю, проволочки отродясь в руках не гнула, порошки не толку. Из чего толочь-то? Небось, так и думаете, коромысло вам в задницу, што Сидориха в полнолуние по болотам шастает, лягушню в ведро собирает, а потом сушит и толкёт, с тараканами и козьим помётом в придачу?

– Да, что вы, баушка Ефимья! Кто такое говорит? Никогда не слышала! Да и, вон, у вас сколь полезных трав собрано! – повела рукой Анжелика. Под потолком, над русской печью, в простенках, над кроватью, занимавшей полкухни, – везде топорщились связки-веники разных сушёных трав, отчего в избе стоял такой аромат, какой бывает посредь цветущего луга в жарком июле.

– Я к Таньке Медведевой пошла. А то совсем в теоремах запуталась, – громко объявила, появившись из-за занавески, внучка. Схватила с вешалки затрапезную курточку и выскочила наружу. Анжела приободрилась – лишние уши исчезли.

– Дык, чаво, мил-красавица, от меня-то ты захотела? – приблизила печёное яблоко физиономии через стол Сидориха. – Что за Кеша-курошуп приглянулся?

– А что... – растерялась Анжелика, – портрет его нужен?

– Но-о... – снисходительно усмехнулась Сидориха. – Уж совсем-то тебя... с подружницей твоей... разболокать и ни к чаму. На словах пантрет опиши. Аль как воробьиная коленка, аль дринощепина кака? Чернявый аль белявый? Возом не задавишь аль соплёй перешибить... Хотя куды вы там на аршин с подпрыгом позаритесь... Небось и грудь сундуком, да и сундук полнёхонек, а? А подружница твоя, как ты – в девках засидела?

– Да, замужем не была, но всё при ней, – терпеливо ответила Анжела. – Белявая, как я...

– Крашена аль по родове?

– По родове, баушка, по родове. А он – высокий, худощавый, брюнет...

– Брунет? Цыганистый, ли чо ли?

– Ну, что-то такое есть...

– А чем промышлят?
Вот тут Анжелика призадумалась. Но сообразила быстро:
– В институте он, студентов учит. Так что, насчёт сундука – не особенно.
– Учитель, стало быть... – снова усмехнулась Сидориха. – Ну а подружница твоя тожа, как смекаю, фелдшарит?
– Да, – поспешно ответила Анжела. – Мы с ней учились вместе.
– А вот ответь мне, как на духу, – строго сказала Сидориха. – Кавалер-то ваш сколько годков? А склонен к чаму – к чайку аль к кабачку? А жизней каков – сам с собой живёт аль Макар да макарushка?
– Да немного помладше меня, и подруги моей соответственно, – поспешила «уточнить» Анжелика. – Выпивает в меру, по праздникам, неженатый. Вы не думайте, Ефимья Сидоровна, чтобы там семью разбивать – этого нет...
– Дык, а чо жа он в вашу сторону не глядит? Аль по другой крале сохнет?
– По другой... – вздохнув, отвела глаза Анжелика.
– Ладноть, голуба ты моя-та... Не буду я боле тебя спытывать. Иди пока... А я тут покумекаю...
– А когда...
– Это тебе не женихов на вечорках икрючить! Завтра заходь...
У Сидорихиной калитки Анжелика столкнулась с Маруськой. «С автобуса прётся, – подумала, отстраняясь. – Как я вовремя разговор закончила...»
– Ты чо, мамка, приболела? – с порога, не здороваясь, громко спросила Маруська, ухнув увесистую хозяйственную сумку на лавку.
– Здравствуй, доча. Пошто так решила?
– Да, вона, Анжелка от тебя выскочила.
– Не, не хвораю.
– А чо эта фифа у нас делала?
– Стариков ходит проверят – не все ещё передохли.
– А-а-а... – успокоилась Маруська. – А я в гости, дня на три. Сидориха оглядела дочку.
– Гляжу, знатно приборохлилась... Откель карман-то поправила? Ухажёра нового завела?
Маруська довольно сверкнула нержавеющей фиксами.
– Э-э-э... – протянула с ноткой неприязненности Сидориха. – И когда ты угомонисся... Лучше б я тебя на родинах потоптала! Вона,

девка-то, совсем одна растёт, а почитай, осьмнадцатый годок скоро покатит. Чево-то ж надо с ней определяться...

– А чево с ней определяться... Ты со мной много определялась?

– А кады мне было? Папка твой как в сорок первом на военный флот ушёл – ни весточки, где-то там и сгинул в пучине морской... А мы, бабоньки, тута горб гнули. Хорошо ишло старая Елпидора за вами пригляд имела... Царствие ей небесное... Кабы ни она...

– Ой, одна у тебя песня! Чо мне от папки моего? Тока што имя бравое – Марина! Так и чо? Што ты, што деревня вся ваша – кликали и кличут Маруськой! – отмахнулась дочь и принялась распаковывать свою сумку. – На-ка, вот, поточи зубы. Не все ещё повыпадали? – Она хохотнула и бросила на стол пакет пряников, кулёк, из которого полувывалился ком слипшихся подушечек карамели, метко прозванных в народе «дунькина радость». Следом на клеёнке оказались круг полукопчёной колбасы и две плитки грузинского чая, пяток банок рыбных консервов.

Сидориха равнодушно отодвинула в сторону гостинцы, сделав исключение только для чая и «дунькиной радости»: выдвинув ящик стола, сгрузила туда плитки с кульком, шумно задвинула ящик.

– Во, уже всё попрятала! Нет, чтобы самовар поставить. Почаёвничать с дороги хочется.

– Вот возьми и спроворь. Ишь, сморщилась – на заплатку не собрать! Чай, не ровни. С меня уж давно подковки содрали, мало радости лишний раз в горшки соваться... Вона и так едва копытца таскаю... Слышь, Маруська, а можа и впрямь бы тебе угомонитца? Ну сколь тереться по людям? Так и шоркашь полы в больничке? А тута на ферму бы пошла или во птичник. И свинские дела, вона, вовсю у нас цветут и пахнут...

– Свинские... Вонь одна. Да у меня, можно сказать, жизнь только налаживаться начала! – подбоченилась дочь.

– Но сказывай, кто на энто раз тебя налаживает? – хмыкнула мать.

Маруська опустила на стул и полузакрyla глаза, шумно задышав.

– Толик... Золотарь...

– Погодь, – встрепенулась Сидориха. – Говночист, што ли?!

– Ты чо несёшь, старая! – чуть не скovyрнула со стула Маруська. – По золоту он работает, на приисках.

– В наше время так говночистов-говновозов кликали! – отрезала Сидориха. – А по золоту – это старатели или ишло говорят – золотарники... Уж чаво-чаво, а энтой публики у нас в округи хватало!

– У нас? – скривилась Маруська. Она с кряхтением нагнулась и вжикнула «молнией» на одном сапоге, потом на другом. Скинула их и довольно пошевелила пальцами, обтянутыми капроном колготок.

– У нас! Ты чо, думаешь, у нас тут ничего нет? И золото мыли, и, вона, щас эти... как их... геологи снова чево-то надыбали. За реку-то так ихние машины и шныряют, и шныряют! Там, говорят, – округлила глаза Сидориха, – чево-то такое нашли! Ба-аль-шой госу-дар-ствен-ный сик-рет! От оно как!

– Ой, господи... – сморщилась дочь. – Да дребедень очередную! Кабы чего стоящее – всё бы уже на ушах стояло!

– Говорю тебе: сик-рет!! Вот и тады, до войны, така ж песня была – с золотом. Вверху по Алейке его мыли. И не тока по речке. Там ишшо и шахты в земле долбили... О-хо-хо... Из-за этого золота больша беда тады приключилася...

– Чо, завалило кого в шахте? – зевая, лениво спросила Маруська.

– Тако, говорят, тоже бывало, но тот случАй...

– Но-ка, но-ка?

– Нока делает сорока! Кады наши-то прознали про золото, тож хлынули туды с лопатами и лотков намастрячили. Но... Так, вот, был у нас кузнец... Тимоха Зуев. Откель в селе взялся – никто не ведат. Чёрный, здоровущий, страшный! Нам уж, бабам, по тридцатке стукнуло, а кузню стороной обходили – стра-ашно!! Но... И вот ему-то самый фарт и пошёл! С цыганАми завсегда так – всё имя в руки ийдёт! Тимоха тож в лесе молчком ковырялся, да и наковырял, видать, изрядно. Цельное ведро!

– Мамка! Ты каво сочиняешь! Ведро! Да столько целый прииск за месяц не нароет! Толик мне сказывал...

– Чево тебе твой Толик там в уши заливат, али ишшо куды – того я не ведаю и ведать не хочу! – строго сказала Сидориха. – А я говорю, што слыхивала тады! А чево-то и видывала! И вот это ведро... нет, ведра, чево не видела – таво не видывала! – но ведро было! И Тимоха ево от дурного глаза и лихих людёв запрятать решил. И как запрятал-то! На самом видном месте! Кто ж дотумкает! Но...

– «Но...но...» – недовольно протянула Маруська. – Слушать тебя невозможно! Что кота за хвост тянешь. Ну, и куда он золото спрятал?

– В кузне в углу высыпал! Среди мелкого углю!

– Ха-ха-ха! – затряслась Маруська. – Но насмешила!

– Чево-о?

– Ведро самородков? Среди мелкого угля? Ну и горазда ты стала, мамка, привирать! Ты себя-то слышишь?

– Я-то слышу! А вот тебе твой золотарь, видать, полны уши наложил! Тимоха-то энтот не просто нарытОе ссыпал, он кажный камешек чёрной краской обмазал! Уголья да уголья!

– И чего в твоей истории такого? – оглушительно зевнула Марусяка и перебралась со стула на кровать, блаженно вытянув полные ноги поверх лоскутного одеяла. – Господи, у вас в деревне любой пук – событие. Тимо-о-о-ха с ведро-ом... – снова зевнула во весь рот Марусяка. – Со-о-бытие...

– Событиё, как ты выражашся, было опосля! В милицию соопчили, што народ-то самолично золото в лесе копат и в речке лотками полошшэт. Милицанеров понаехало! У одного камушек жёлтенький отобрали, у другога песку полкисета надыбали. И, конечно, самих этих бедолаг сердешных следом в район утартали... О-хо-хо...

– Вот ты, мамка, завсегда так. Обязательно настроение испога-нишь!

– А-а-а! – затрясла узловатым указательным пальцем Сидориха. – Хахаль-то твой, видать, тот ещё хруст! Из жулья, стало быть... Ох, доиграисся ты, Марусяка! Но историю-то будешь дослухивать?

– А ты ещё не закончила? – похрапывая, буркнула Марусяка. – Ну, да-а-вай...

– Вот я и говорю... Но... Нашли ишшо у кого-то там милицанеры золотишко, и тожа мужичка с его сокровищем – в район. Тут наше страшилище и струхнуло. Слух-то про евошнюю удачливость одно кругом полз. Это ишшо как удачливо выпало, што к нему первому органы не заявилися! Собрал тады Тимоха энтот своё ведро и закопал камешки, как картоху. За кузней, по всей заокраине своей! Да вот в кузне собрал-то не всё! Так браво своё самородочье золото краской-то обмазал – сам от угольев не отличил! Вот тут-то милицанеры и нагрянули! Сдавай, мол, Тимоха, незаконно у государства отнятое...

– А чо... он у кого-о... ммм-хрр... о-о-тнял? – промычала почти заснувшая Марусяка. – Н-не гра-а-а-бил...хрр... не украл...

– Дура ты, Марусяка, как есть дура! – хлопнула ладонью по столу Сидориха, что заставило дочурку встрепенуться. – Всё золото в нашей стране – го-су-дар-ствен-ное! Аль тебе твой Толик не сказывал?

– Ему некогда со мной дурацкие разговоры разговаривать... – кошкой потянулась на одеяле Маруся и непроизвольно, но так красноречиво огладила пухлые бёдра, что Сидориха сплюнула в сердцах.

– Ну, дальше-то что было? – приоткрыла глаза дочь. – С Тимохой твоим... здоровущим... могучим... Вот уж, наверное, баб охаживал!..

– Одно у тебя на уме! Тьфу!.. Была у него сожительница... Така ж, как ты... Што-то, видать, сболтнул он ея...Воопчем, навалилися на него милицанеры: сдавай, Тимоха, а Иначе... «Так а нету ничево», – Тимоха-то имя в ответку. – «Не шути, – грозят милицанеры, – с властями!». А Тимоха рубаху на грудях рвёт! Но... И чо ты думаешь? Смекалстый один милицанер попалси. «Но-ка, – говорит, – жги уголь!»

Сидориха тяжело вздохнула.

– А жога, подруга Тимохина чево шепнула органам, штоб от неё отстали. Но... Цельный божий день жгли – толку никакова! А под самую оконцовку... Охо-хо...Затрышала на однём уголье краска, пошла пузырями, и капля золотая – кап! Но... И увезли Тимоху... А потом и за егошней подругой-сожительницей приехали – кумекаешь, Маруся? – ея тоже увезли... И ни слуху об имя, ни духу с той поры...

– Ну как же «ни слуху, ни духу»! – хмыкнула Маруся. – Вона ты какую повесть сочинила!

– Кабы сочинила – полбеда! Но опосля мужики весь огород Тимохин перерыли, за кузней копали-перекопали и цельну пригоршню нашли! Таво самово крашенного Тимохой самородочьего золота! Чувешь? А было-то – ведро! До сих пор тама прячутся Тимохины сокровища. Видать, не настала пора... Но...

– Щас лопату схвачу и туды полечу! – хохотнула Маруся.

– Ду-у-ра ты есть и ду-у-ра! – подытожила мать. – Золото, как грибы – кады само захотит, тады людям и покажется... Не про то я, не про то! Про золотаря твоево. Чует моё сердце – сам под монастырь и тебя туда же утянет, как чёрт водяной в омут. Сердце моё вещат! Окстись, доча! Машка у тебя...

– А кстати, где она?

– Ишь ты! – всплеснула руками Сидориха. – Наконец-то про родну дитятю вспомнила! А чо так рано? Ты бы ишло об ней на отъезд в город свой поганый спросила! Кукушка ты похотливая, а не мать!

– Иди ты в... свой тепляк! – заорала Маруся. – Вари своё пойло! Морали меня учить будешь! А сама полдеревни, если не всю уже споила!

– Выпивают мужики, – неожиданно спокойно сказала Сидориха. – Приходят. Но отравой не торгую. А копеечка... На Машку и уходит. С тебя-то какой прок? Ты у нас теперича наскрозь городска – тока жеребцов меняшь. А как ишшо и дурну болезнь подхватишь... Настой-то мой выпила али в помои вылила? Мончишь?

– Да пила я, пила...

– Врёшь ты всё, Маруська! Как была слаба на передок – так и продолжаш в любви свои играть. Совсем с ума скружала! Ох, доиграисси... Возвертайся, доча, домой! – уже жалобно проговорила Сидориха. – Сколь мне осталось... Машку пожалей. Аль тоже ей планиду такую расписала?

– Да что ты из меня слезу давишь! – разозлилась Маруська. – Школу закончит – к себе в город заберу...

– Куды?! Аль у тебя там палаты боярски?

– Да у меня комната в общежитии, двенадцать квадратов!

– О кака охабазина! – покачала головой мать. – Это, што ж, тры на чатыре метра перемножить? Но... И трети нашей избы не получатца! И, стало быть, ты там со своим Толиком сопите-стонете, а рядом – девчущечка молОда будет! Штобы твому Толику сподручнее было – из одной вынул, в другу вставил! Завидну судьбу ты Машке уготовила!

– Совсем ты, старая, из ума выжила!

– Я, конешно, выжила... Как не скружать, кады все молОки промытила... Осталося только боты подвязать... – вздохнула Сидориха. – Тока никады подола не распускала! А ты в кого така? О-хо-хо... Мало, ох, мало я по вонькому распадку проежжала! – Потыкала указательным пальцем в сторону дочери.

Со скрипучим стоном распахнулась входная дверь, запуская в избу внучку.

– О, дочура! Привет, Машка! – свесила ноги с кровати Маруська. – Как ты тут? В школе как?

– Ладноть, поговорите тута, а я до колка прогуляюся, – сказала Сидориха. – Шо-та в этом годе весна припозднилась, берёза почкой не сильно набухат... Да и ургуля не особливо видать... А мне позарез и ургульков и почек надобно...

Она накинула платок, потянула с вешалки свою изрядно потёртую кацавейку и, вздыхая, подалась из избы.

– Каво попёрлась на ночь глядя! – пожала плечами Маруська и оглядела дочь. – Да... Курточка-то у тебя... – Помолчала немного, глядя, как дочь раздевается-разувается, потом с сомнением выговорила:

– А я тебе обновку привезла. Тока вот... Вытащи-ка – там, в сумке...

Младшая Емельянова сноровисто зашуршала мамкиной хозяйственной сумкой, и на свет появилось демисезонное девичье пальто нежного сиреневого цвета. Расплываясь радостной улыбкой, Машка тут же вдела руки в рукава... Пальто оказалось малым. И рукава разве что локти прикрыли, и хлястик на спинке чуть ли не под лопатки уехал.

Машка еле высвободилась из обновки. По щекам покатались слёзы.

– Ну, что ты, дочура! – засмеялась Маруська. – Брось! В город возвращаюсь – обменяю. Ишь, как ты вымахала! А мордочкой-то, мордочкой – краля записная! Утрись-ка! И ставь-ка, дочура, самовар. Почаёвничаем... Я тебе и шоколаду привезла!..

– Ну, как вы тут? – разомлев от горячего чаю, опять спросила Маруська дочь. – Бабка-то наша всё зельи свои варит?

– Варит! – Наконец-то появилась на лице младшей Емельяновой слабая улыбка. Машка прикончила уже вторую объёмистую чашку чаю, нажевалась колбасы с хлебом и с удовольствием хрустела второй половинкой стограммовки «Алёнки», бережно разглаживая на столе обёртку от шоколадки. – К ней даже Анжелка сегодня прибежала – приворотного зелья для своей подруги в городе выпрашивала...

– Фельдшерница? Зелья?! – изумилась Маруська.

– Но...

– Для подруги в городе?

– Так сказала.

Маруська шумно задышала, выворачивая крылья носа чуть ли не наизнанку, с минуту помолчала.

– А этот ваш учитель из города? Обсвоился на селе-то?

– Ты про кого? – спросила Машка, наливая третью чашку, и потянула из пакета очередной пряник. – У нас же их к новому учебному году двое приехали. Александр Сергеевич и Сергей Александрович.

– Да? – вроде бы как удивилась Маруська. – А я уж и не помню...

– Как же ты вспомнишь! С сентября глаз не казала! Мы с баушкой тебя хотя бы на Новый год ждали... – с обидой сказала дочь.

575225

– Не получилось, Машка... Круговерть городская – та ещё круговерть!.. Так и что учителя-то эти?

– Да ничего, – с недоумением ответила дочь. – Трудовик с пацанами занимается, а у нас вместо труда в мастерской – домоводство. Валентина Семёновна ведёт. Вот недавно передники кроили и шили... А ещё... – снова чуть улыбнулась Машка, – у трудовика с Клавкой-вожатой така любовь!..

– А второй? – нетерпеливо перебила Марусяка.

– У классного нашего? Тоже! Танька из Кашулана! Фи! – презрительно вздёрнула плечики дочь. – Наш Шишкин-Пушкин и эта... Да там смотреть не на что! И чего он в ней нашёл? Не уродина, конечно, но и не краля записная. Тут у нас артисты из города приезжали, на колхозный праздник... Жалко тебя не было – такой праздник был! На мотоциклах гонки были, концертов – целых два! – в ДЭКа. Но особенно, конечно, ансамбль городской! – Машка мечтательно закатила глаза. – Такие ребята там... Даже Танька председательская на одного запала!..

– Чего ты с учителя-то на артистов перескочила?

– А-а-а... Так вот я и говорю. Наш Шишкин-Пушкин, оказывается, всех этих городских артистов знает! А с певичкой ихней и вовсе под ручку ходил! Ты представляешь, мам, вылитая София Ротару!

– И что же? – ревниво спросила Марусяка.

– А ничего! – торжествуя стукнула по столу очередным пряником Емельянова-младшая. – С чем приехала, с тем и уехала! И Анжелка наша уж как вокруг него увивается – зачастила в школу! – а без толку! – злорадно проговорила Машка. – Но вот эта Танька кашуланская...

– Для городской подруги, говоришь, Анжелка, зелье клянчила? – в раздумье переспросила Марусяка.

– Но... – равнодушно кивнула дочь, любясь картинкой на шоколадной обёртке.

«Да уж кака там подруга... – подумала Марусяка... – Подруга... Конь и подпруга... Ну, Анжелка, погоди...»

2.

А Шишкин-младший в это время как раз гостил в Кашулане. В сгущающихся сумерках он тоже чаёвничал. С баушкой Евпраксиньей.

Евпраксинья Степановна, сухонькая восьмидесятилетняя, но бойкая и разговорчивая старушка, в сам-деле приходится Танечке Михайловой бабушкой. Вообще, как выяснилось, семья у Танечки интересная. Мать Танечки, Надежду Петровну, баушка Евпраксинья через год после свадьбы народила, потом Надюхе родители трёх братьев приподнесли. А у самой Надежды Петровны поначалу только мужички рождались – Танечкины старшие братья: в тридцать восьмом – Иван, в сорок втором – Василий, в сорок четвёртом – Николай. А Танюшка – последыш. Мама Надя её уже в тридцать пять родила – и не чаяла, что доча получится.

«А доча получилась – да кака пригожа!» – то и дело повторяет баушка Евпраксинья, хитро поглядывая на Шишкина-младшего. Александр же прихлебывает обжигающий чай с обалденным вареньем из жимолости и только утвердительно кивает головой. А куда деваться? Завтра поутру в Кашулан прилетит на своём молоковозе Петрович и с ним надо возвращаться в Чмарово – уроки никто не отменял.

Да... Утром Александр чинно прошествует на ферму, под завидующими взглядами остальных доярок скажет: «С добрым утром!» всем и... Танюше. Потом прискачет рычащий-бренчащий молоковоз, состоится стандартная процедура переливания из полного в полупорожнее – «тяжёлая атлетика»: тащи-подымай 40-литровую флягу – получи обратно тару. Потом... Потом за молоковозом украдкой Александр с Татьяной сольются в страстном поцелуе «в облипочку»...

Ну а дальше – тоска зелёная: захлопнется дверца кабины, ухмыльнётся Петрович, гукнет клаксоном, и молоковоз помчится в Чмарово. Ну а там – полчаса на всё про всё и... «Доброе утро! Садитесь! Тема урока...»

После сумасшедшего Татьянинного дня, в первую же субботу, Шишкин-младший рванул в Кашулан. Сердце трепетало. Но всё оказалось, совсем не так, как он себе представлял. Танюша встретила и повела домой. «А это, пап-мам, Саша... Познакомьтесь», – покраснев, опустила она ресницы.

Так Шишкин-младший с пылу с жару предстал ранним утром пред очами Надежды Петровны и Евстафия Ивановича Михайловых – родителей Татьяны. Так сказать, к завтраку припожаловал. А грезил-то, грезил! – прикатит в Кашулан и... опять пельмешки остынут до вечера...

Чинное чаепитие в тот день, к счастью, не затянулось. Потом была экскурсия по кашуланским достопримечательностям и округе. Намо-

розившись и нацеловавшись в укромных от посторонних взоров местах, наша парочка и заявила к баушке Евпраксии. Та, как пояснила Танюша, упорно жила одна, через две улицы от них.

Вот только тут, да и то не сразу, молодые дорвались, что говорится, друг до друга. Танюшкина бабушка оказалась старушкой догадливой – накормила обедом, а потом «срочно» подалась к соседке-подруге, строго наказав «внуче», чтобы та не забыла в семь часов вечера насыпать обитателям курятника «крупорушки» – смеси овса и хвойной муки, – куль с которой стоял у бабки в сенках. Вообще-то, до этого у Александра было понятие, что крупорушка – это такая машинка для дробления зерна, но, видимо, смесь как раз и вышла из подобного агрегата. Да и не всё ли равно, если хитрая баушка Евпраксия столь ясно дала понять, что раньше семи вечера дома не появится.

И слово своё сдержала – возвратилась в девятом часу. К этому времени Александр с Татьяной всё успели: и курей накормили, и печку протопили, и самовар раскочегарили, и... Вот только... оба чувствовали: лихорадочно всё как-то, с опаской, что врасплох застигнут.

– От молодцы! – заулыбалась с порога бабушка.

Пили чай, слушали вполуха баушкины рассказы о гражданской войне и семёновщине, вполглаза пялились в мерцающий телеэкран, в полной мере ощущая только одно – то, что их руки находили под столом, горячие и ненасытные... Потом Александр долго провожал Танюшку до родительского дома. К баушке Евпраксинье, на ночёвку, вернулся, околевав до неимоверности.

С утра Татьяна убежала на ферму, оттуда примчалась в десятом часу к бабушке, растормошила сладко спавшего Александра...

Обедали у Татьяны дома. Надежда Петровна оказалась женщиной сдержанной и немногословной, а вот Танюшкин отец, Евстафий Иванович, – собеседник интересный. Инвалид войны.

В сорок первом призвали. Второго сына, Василия, не дождался, лишь с фронта вернувшись, увидел. Оборонял Москву, потом был Сталинград. Тяжелейшее ранение. Восемь месяцев госпиталей и – списали подчистую, хорошо, хоть военврачи ногу спасли, не отняли. Правда, сохнуть она с той поры стала, но шкандыбать, как сам Евстафий Иванович, выразился, возможность имеется. Домой в ноябре сорок третьего вернулся с орденом Красной Звезды – за подбитый фашистский танк – и на костылях. От костылей через полгода избавился, а вот крепкая палка – как приросла с тех пор к левой ладони.

Все эти подробности биографии Евстафия Ивановича вряд ли бы Шишкин-младший узнал, если бы не Танюшка. Она и отца тормошила: «Папка, ну расскажи, ну расскажи...». Отцом она гордилась.

Александр вспомнил, как на военных сборах после окончания института, им устроили «обкатку» танком. Задача перед будущими офицерами запаса стояла простая, как мычание: залезть в окоп с прочными пробетонированными стенками, дожидаться, когда над головой пролезает бронированное чудовище, потом высунуться из окопа и «поразить» бронетехнику деревянной «гранатой» в моторную часть.

Так уж на что был глубок и крепок окоп, но когда многотонная машина, обдавая жаром и рёвом дизеля, прокатила поверху, от чего земля ходуном заходила, – показалось, что раскрошится сейчас же в пыль вся толщина бетонных стенок, и завалит земелька родимая беденького «борца с танками».

Когда Шишкин-младший сподобился высунуться из укрытия, танк уже отъехал на такое расстояние, что еле-еле хватило длиннорукому Александру здоровья докинуть деревяшку до танковой кормы. И не хрена, скорее всего, танк он не поразил – тюкнула «граната» в заднюю стенку. Только и угрезилось, что если бы и в сам-деле швырнул боевую кумулятивную – авось и приложилась бы она, как положено, доньшком-воронкой, да и сработала на проламывание брони раскалённой взрывной струёй. Но не факт. А вот как в настоящем бою, где бетонных окопов нет? А как ещё чуть крутанутся над головой несколько тонн – ну это и вовсе «кайла» – заживо завалит!

– Евстафий Иванович, а и вправду, расскажите, как танк подбили? – попросил Александр, поделившись теми своими «страхами» с военных сборов.

– Тут ты, паря, в самую точку, – кивнул отец Татьяны. – Кабы не колодец кирпичный, жидкое место от меня бы осталось... Это ж прямо в городе было... Канализационный колодец. Мы туда с корешем моим, Володькой Ершовым, забрались, потому как немец утюжил сверху неимоверно. «Лапотники» на нас в тот день сыпали и сыпали...

– Это пикирующие «юнкеры»?

– Они самые! С сиренами включёнными пикировали. А ещё, помимо бомб, пустые железные бочки сбрасывали. Насверлят фрицы в таких бочках дырок и сбрасывают. И летит бочка, да так завывает – душа в пятки уходит!..

– Страшно было?

– Ну а ты сам-то как думаешь? – усмехнулся Евстафий Иванович.

– Я тебе вот, что скажу... Ежели кто-то бахвалится, что шёл в бой без страха – врёт! Страх – он постоянно спину царапал. Жить хотелось – словами не передать! Только этого и хотелось... Мало о чём больше думалось... Выжить, выжить... – Он замолчал.

– Папка, ну про танк-то расскажи Саше, – напомнила Татьяна.

– А что тут рассказывать... – не сразу заговорил снова Евстафий Иванович. – Вылезла из-за угла эта коробка чёрная, бухнула из пушки и полезла прямо на нас. Только и успели на дно колодца свалиться. А когда он через нас переполз, Володька меня кверху подтолкнул. Была у нас одна бутылка молотовская... Слышал про такие?

Александр кивнул.

– Это финны придумали. Танки наши жгли ещё в финскую.

– А почему же везде пишут: «Коктейль Молотова»?

– Читал... Наверное, потому, что наши умы научные финскую бутылку усовершенствовали. Там же главное – чтобы смесь загорелась да не стекала, к броне липла. Но состав, вроде бы, такой липучий и выдумали. А с запалами мудрили. Под Москвой нам бутылки выдавали – перед тем как её зашвырнуть, надо было спичкой, к бутылке прикреплённой, чиркнуть. А к Сталинграду понадежнее уже придумали туляки-умельцы: с запалом в виде трубочки железной с прорезями, а внутри этой трубочки – пружинка и патрон холостой для ПэПэШа... А насчёт наркома... Слышали мы от тех, кто финскую прошёл, что это на ихних, финских, бутылках было написано: «Коктейль для Молотова», чтобы, значит, нас поддеть, а уж потом наши, наверное, в политических целях, переименовали...

– Так вы танк бутылкой в корму?

– Туда... Хорошо, что сетки панцерной не было...

– Сетки?

– Но... Фрицы-то, когда гореть начали от наших бутылок, что удумали – стали моторы сеткой панцерной затягивать. Бутылка на мотор падает, а сетка пружинит и бутылку отбрасывает. И всё насмарку! А у этого сетки не было. Польшнул, гад, как надобно! Да вот только тут мне в ногу и прилетело... – Отец Татьяны провёл рукой по левой штанине. – Повезло... Кабы фрицевский пулемётчик чуть повыше взял... Вот на этом война для меня и закончилась... Спасибо ещё Володьке, что ногу мне ремнём перетянул да утащил на себе до лекарей... По-

гиб вскорости Володька, не смог я ему тогда даже спасибо сказать...
Всю жизнь теперь благодарю, да что толку...

Евстафий Иванович снова замолчал. Не скоро вновь нарушил паузу.

– Таньча, принеси-ка, газетку. Там, на этажерке, коло книжек затолкнута.

Зашелестел поданной дочерью газетой.

– Рассказ здесь, паря, давече пропечатали. Про девчонку и отца её, который батькой только числится – от запоя до запоя. Но... Беда, конечно, наша российская. Правильно писатель этот пишет. И куда змей зелёный завести может, до какой беды довести, и, особливо, про своё детство послевоенное голодное на селе. Уж нагляделись-напробовались и мы всего этого... Но в главном писака этот соврал!

Евстафий Иванович нацепил на нос очки и принялся зачитывать кусок рассказа:

– «...Называть пьянство, запой чёрной дырой в селе стали с посылы местного охотоведа Михаила Петровича Шустакова. Михаил Петрович был честным, добрым, трудолюбивым человеком. Ветеран Великой Отечественной войны, морской пехотинец, он сражался с фашистами под Москвой и Сталинградом. Сражался отважно. Под Москвой немецкого полковника в плен взял. Под Сталинградом – два танка подбил. И быть бы ему Героем Советского Союза, если бы умел держать язык за зубами да похитрее был.

...Под Сталинградом, после боя, в котором Михаил Петрович немец двух танков лишил, вызвали его в штаб полковой. Приполз. В Сталинграде мало ходили, больше ползали. Снайперы каждый квадратный сантиметр сожжённой земли под прицелом держали.

– Молодец, матрос Шустаков. Ловко ты с танками фашистскими разделался. Расскажи-ка нам, как это тебе удалось гансов поганых поджарить и самому живому остаться?

– По пьянке, товарищ полковник, по пьянке, – ответил Шустаков.

– Как так? – нахмурился полковник. В штабе корреспондент фронтовой газеты находился, и полковнику ответ отважного морпеха не по душе пришёлся. Оно и понятно, какому командиру свой полк или какое другое подразделение не с той стороны показать хочется, с какой её обычно корреспонденты показывать любили.

– Как так?!

– Перед боем нам как всегда спирта по две нормы выдали. К тому же у меня старый запасец имелся. Вижу, на нашу траншею танк пол-

зёт. Труханул. Полфляги принял, гранату в руки – навстречу ему. Ребята сзади огоньком поддерживают, пехоту отсекают...

...Полыхнул первый танк, я флягу прикончил, а тут из-за первого второй выползает. Шлёпнул его и сразу сам отключился. Потом наши говорили: «Мы думали, тебя убили. Подошли после боя прибрать, проститься, ты «Расцветали яблони и груши...» поёшь – вдрабадан, в лохмотья упился...»¹

– Не могло такого быть, Александр, не могло! Во-первых, чем этот «герой» второй танк, как тут написано, «шлёпнул»? Пустой фляжкой? По рассказу-то – с одной гранатой выскочил. Во-вторых, гранатой танк в лоб не взять. Граната только и давала, разве что, механика-водителя ослепить-оглушить, чтоб танк приостановился, а уж дальше – или, опять же, бутылками его закидать, или из ружья противотанкового ему засадить. Ну и третье. С другим танком и вовсе ничего бы не получилось. По двум причинам. Скосил бы второй такого «героя» из пулемёта или гусеницами раздавил, а самое главное – после фляжки спирта и косить не надобно. После таких порций – полфляги он, вишь, «принял», как рассказывает, никуда бы он не выскочил. Валлся бы в окопе! Дрых в беспамятстве! Или вот этот писатель думает, что плотно покушавши в бой мы шли? Куда с добром! Сталинградская пайка – отдельный разговор... Никто там от пуза не жрал. А уж перед боем... Когда и кишка кишке протокол писала – всё равно не ели и не пили. Каждый знал: если пуля или осколок в живот – с полными кишками ты не жилец. И «наркомовские» перед заварухой, как страх не глодал, в глотку не лили. Что ты хмельной в бою? Реакция-то сонная, замедленная – верная смерть!. Вот, что правда, так то, что водку перед атакой получали. Спирта ни разу не выдавали. Спирт – лекарям. Может, конечно, офицерам... Но рядовому люду – такой приказ самого Верховного был! – сто грамм водки, и то только тем, кто на переднем краю... Старшина бачок с водкой приносил – на всю роту, по списку. А после боя все страхи, всё оцепенение, кто живой остался, в этом бачке и топили. И за то, что живой остался, и за ребят погибших... Можно, конечно, было и перед боем хлебнуть. Иной из молодняка зелёного так и поступал, да только из боя уже не возвратался. В общем, быстро все соображали, когда за кружку с водкой браться... Но, вот, как раз из-за этого – что уже не по сто грамм, а кружка-другая

¹ Цитата подлинная, из рассказа М., только 2017 г. написания.

– в послевоенные немало фронтовиков запило. Однако же, далеко не все. А у этого писаки... – Татьянин отец теперь уже презрительно потряс газетным листом, – так и вовсе выходит, что без поллитры и хребет бы Гитлеру не сломали! Э-хэ-хэ... Развелось болтунов... Но это ж, завсегда было. И на фронте. Языком завсегда тот бойче других чешет, кто где-то сбоку-припёку околачивается, слышал звон да не знает, где он... Вот туда бы его, хотя бы на полчаса! Хотя... Пусть живет и здравствует, да только небылицы не сочиняет. Кто нас помоложе будет, от войны уберётся, а особливо молодежь нынешняя, из тех, кто к бутылке тянется, от таких рассказней и впрямь уверуют, что глотнуть «для храбрости», что два пальца...

Евстафий Иванович осёкся и виновато скосил глаза на дочь.

– Да... А храбрость – она только на трезвую голову получается... Но, вот и без «наркомовских» порою никак нельзя было. Помню, пёрла однажды немчура, как сдурела. Сплошная атака с утра и на весь день. Так вот, по вечеру, мы Мишку Елпидорова, пулемётчика, еле от пулемёта оторвали! Пальцы ему разгибали – так он в рукоятки своего «максимки» вцепился. Влили Мишке в рот полкружки водки – и то не сразу отошёл. С час, наверное, чумным просидел. И не говорит ничего, и не спит. Уж потом нам сказал, что чуть умом не тронулся: бьёт гансов, бьёт, а они лезут и лезут!..

Танюшкины родители Александру понравились. По всему было видно, что и он им приглянулся. Вот это и напрягало больше всего.

Бурные чувства, обуявшие молодых, это, конечно, прекрасно и сладко. Вот и Шишкина-младшего тянуло к Татьяне, как магнитом. Прямо-таки, ненасытно жаждал новых встреч, но когда бы всё это происходило «голова в голову», как говорят французы, а не украдкой, с постоянной демонстрацией высот платонизма. Да только кто ж в это верит!

В воздухе другое висело: а не пора ли тебе, кавалер дорогой, следующий шаг сделать: «Уважаемые Надежда Петровна и Евстафий Иванович! Осмеливаюсь просить у вас руки вашей дочери...»? Да уж...

При всех жарких чувствах к Татюше, Шишкину-младшему шагать в этом направлении почему-то не хотелось. Не то, что духа не хватало – желание не ощущалось. Последнее явно Татьяне передавалось. Отношения буквально забалансировали на грани...

Потому на этот раз возвращался Александр из Кашулана в самых растрёпанных чувствах. Сбежать по аналогичной причине из города и влететь из огня да в полымя...

– Сергеич! Ты чо такой квёлый? Никак с Танюхой в непонятках расстались?! – прокричал улыбающийся Петрович, когда молоковоз вырुлил от фермы на шоссе и полетел в Чмарово.

– Да, нет, всё нормально! – крикнул через рёв мотора Шишкин и изобразил ответную улыбку.

– Но-но... Нет дыма без огня! – засмеялся Петрович и тут же, глянув влево, смех оборвал. – Ну, бляха-муха, накаркал!

Он ткнул рукою:

– Никак кошара горит!

И впрямь, из-за ближайшего забугорья в небо поднимался столб чёрного с белёсым дыма.

Петрович, притормаживая, резво крутанул руля – как раз перед съездом с шоссе на едва заметный среди травы просёлок. Снова подбавил газку, и через пару минут «газон» выскочил в это самое забугорье.

Метрах в пятидесяти, чуть на возвышении, и впрямь стояла кошара, дощатую стену которой уже всю лизало пламя. Чуть ли не уткнувшись в него капотом, Петрович выскочил из кабины и лихорадочно принялся откручивать проволоку, которой к цистерне молоковоза была привязана двадцатилитровая канистра.

– Сергеич! На! Поливай! Траву под стеной, чтобы пал далё не пошёл. Бережно! Воды, сам видишь, с гулькин нос! А я обратно в Кашулан! За пожаркой!

Шишкин-младший схватил канистру, принялся плескать из неё, как наказал Куцин. Вскоре почувствовал, что воде в канистре приходит крадец, но толку от плесканий никакого. Завертел головой, выругался самым непотребным образом... Ещё мгновение подумав, стащил с плеч и бросил наземь свой моднячий бежевый плащ. Вылил на него остатки воды из канистры и принялся этой большой мокрой тряпкой хлестать чёртову траву, бегая вдоль ползущей огненной змеи!

Но граница между чёрной золой и изжелта-белым прошлогодним ковылём неумолимо сдвигалась от кошары всё дальше и дальше. Причём, в сторону шоссе эта чёрно-багровая, чадящая удушливым сизым дымом полоса, практически не ползла, а вот вниз от кошары и вправо – к серому ернику, за которым шумели от верхового ветра стройные сосны и начинался непроглядный лес...

«Благо, понизу ветра нет! Благо, понизу...» – больше ничего в голове у Шишкина не было. И тут наш горожанин был совершенно прав. Одного порыва ветра понизу хватило бы для броски пламени на ерник, ну а там...

Всё хорошо, что хорошо кончается. Вот и тут всё кончилось вполне терпимо.

Грязно-красный «полста третий» в самый отчаянный момент примчался к кошаре, два мужика в песочных брезентовых куртках шустро раскатали серый пожарный рукав, и первая струя спасительной влаги ударила Шишкину-младшему прямо под ноги, подняв тучу сажи. Багровая змея тут же сдохла, но на всякий случай водяной бич прошёлся по ней ещё раз, щедро погладив – с головы до ног! – и Шишкина-младшего, потом ударил по трещащей от огня стене кошары.

– Лезь в кабину, пожарник! – прокричал взъерошенный Пётр Петрович Куцин, подъехав следом за пожаркой и высываясь из кабины. – Простынешь напрочь! Чай, не лето ещё, а ты, вона, как цуцик, мокрый весь! Ишь, чо, плащом своим забивал! Голова! А то к лесу бы попёрло! Вот бы беда-то была!..

Шишкин дернулся, было, по инерции, поправить Петровича, что пожарник – это, вообще-то, то же самое, что погорелец, а правильнее будет «пожарный» но, оглядев себя, вяло подумал, что на огнеборца он сейчас похож мало, а вот на замурзанного погорельца – в самый раз. Чего уж умничать. Другого хочется. Лечь и умереть часа на три. В тепле. Чистым и сухим.

Так же вяло глянул на часы. Даже ко второму уроку уже опоздал безнадежно, а ещё бы отмыться-побриться.

Куцин заметил этот взгляд Александра:

– Спокойно, Сергеич! Щас домой тебя доставлю, и не думай ни о чём. Заеду в школу, объясню, чо да как.

Шишкин и отмыться толком не успел от необычайно жирной сажи, с тоской вспоминая свой плащик и жалостливо поглядывая на прожжённые аж в четырёх местах брюки, как после хлопка калитки в дверь постучали, и на пороге возникла Валентина Семёновна.

– Ну, Александр Сергеевич! Слов нет! Да вы у нас герой!

– Какой там... Просто так получилось...

– Не скромничайте! Ге-рой! – Валентина Семёновна энергично потрясла Александру руку и торжественно объявила:

– Никаких уроков сегодня! Отдыхайте! Не-ет, молодец вы у нас! Молодец! Отдыхайте. Не буду мешать. Увидимся завтра. Отдыхайте...

И с восторженным выражением лица «школьная комиссарша» отбыла восвояси, а Шишкин-младший стал уныло прикидывать, в чём завтра идти в школу. В Кашулан-то «все разы» отправлялся «при параде» – в костюме. Напрасно, конечно, потому как парадный вид – Шишкин это ощущал всеми фибрами души – порождал у родителей Татьяны радостное ожидание торжественного заявления кавалера – на счёт дочуркиных руки и сердца. А уж про саму Татьяну и говорить нечего. Вот это и напрягало.

«Прекратить надо эти поездки!» – в который раз приказал себе Шишкин. Но звонила из Кашулана Танюша... И в который раз Александр проклинал себя за малодушие, за этот магнетизм «вечного зова». «Сколько верёвочке не виться...» – чаще и чаще гундел внутренний голос, однако по-прежнему воспринимался гласом вопиющего в пустыне. А пустыня разворачивалась уже в нечто угрожающее спокойствию и благоденствию: кругом пески и – ни одного спасительного оазиса... Классическая дилемма – необходимость выбора из двух зол. Одно злее другого. «Ну, дяденька, а теперь куда бежать? – не смолкал сволочной внутренний голос. – Обрати в город?».

Да, получалось именно так. Машенька Колпакиди-Ткачёва, как и бывшие институтские и прочие подруги – это уже не факторы. Но маман и папан... Вот это перевешивало всё. «Ага! – будет день за днём, по поводу и без, победно греметь Шишкин-старший. – Возвращение нашкодившего блудливого кота!» – «И я говорила – лицемер и бабник! Всё – псу под хвост, всё!! Кандидатский стаж! Характеристику таку-ую напишут!..»

«Что ж делать-то? – вновь и вновь тормошил себя блудливый кот Шишкин. – Как бы этот вопрос снять с повестки дня?..» – «Наивный вы кот, дорогой товарищ Шишкин! – откровенно насмехался внутренний голос. – Это в мегаполисах прокатывает, а в деревне – увы! Тут уже, по всем понятиям, Татьяна – старая дева или где-то близко к этому. И ожидать, пока вы созреете для брака, не будет. Бабушка в двадцать, мать в двадцать, а Татьяне уже сколь? Вот то-то и оно!.. Слушай, дружок, а чего ты заменжевался? Коляску катать неохота или чувства к Татьяне, деликатно выражаясь, исключительно тактильные? Ты уж, мальчонка, хотя бы для себя определился. В постельке-то ты ей чего

только не шепчешь, а потом темечко чешешь...» В общем, полный мрак!

От мрачных мыслей Шишкина-младшего отвлекла наутро обрушившаяся слава.

Он вошёл в школу и...

С порога встретили оглушительные аплодисменты! В школьном коридоре ровной линейкой выстроены школяры с одной стороны, напротив – чуть ли не весь педколлектив.

– Дорогие товарища и дети! – взволнованно прокричал председатель сельского совета Фёдор Никифорович Антонов. – Поприветствуем Александра Сергеевича Шишкина! Вчера он отстоял от огня ценное колхозное имущество, не дал огненной стихии перекинуться на лесной массив...

Шишкин не сразу сообразил, ошарашенный такой торжественной встречей, о каком ценном колхозном имуществе идёт речь. А-а-а, конечно! Кошара! Честно говоря, ничего ценного в ней он и задним умом не мог найти. Длинный кособокий сарай с когда-то белёными известковой дощатыми стенами и бесстекольными провалами маленьких окошечек почти под карнизом крыши. И крыша – прореха на прорехе. Но, видимо, чего-то он, Шишкин, не понимает. Наверное, когда дело подойдёт к окотной поре, кошару подремонтируют. Хотя, стоп! Вроде бы, говорил кто-то, что самое горячее время – пик окота овец – конец марта! Так уже апрель! Стало быть, не понадобилась эта кошара? Ай, да чего гадать, – мысленно махнул рукой Шишкин, – в каждой избушке свои погремушки... Тут же на ум пришёл французский аналог этой поговорки: «Каждый замок имеет свою гильотину». Шишкин хмыкнул. А ещё чего-то там в европах про дикость русскую талдычат! Ивана Грозного кровавым злодеем объявили. Да он за всё своё царствование не загубил столько подданных, сколь за одну ночь в канун дня святого Варфоломея ретивые французики-католики зарезали землячков-гугенотов по приказу мамки-регентши Карла IX Екатерины Медичи. Так что, уж лучше про погремушки, чем про гильотину. Или вот ещё вариант – Александр забыл, кто состроумничал: «В каждом доме свой малиновый клопик»...

Из этих зауемей Шишкина-младшего вытряхнул новый шквал аплодисментов.

Глава сельсовета уже протягивал ему левую руку с большим глянцевым листом и прижатым большим пальцем к нему почтовым конвертиком и, одновременно – правую пятерню для рукопожатия.

– Поздравляю, дорогой Александр Сергеевич! От всей души поздравляю!

Антонов приблизил лицо и прошептал с извиняющей улыбкой: – Вы уж, Александр Сергеевич, до конца дня забегите в колхозную бухгалтерию, распишитесь за премию.

В конвертике оказалась довольно внушительная сумма – две месячных зарплаты учителя Шишкина, причём, если брать начисление, без вычетов подоходного налога и налога за бездетность! Понятно, что купюры Шишкин сосчитал не на линейке, а уж когда домой после уроков вернулся. А большой гляцевый лист – Почётная грамота правления колхоза!

Но до окончания уроков ещё был вагон времени – пять с половиной сорокапятиминуток плюс четыре коротких перемены и большая, двадцатиминутная. А половинка первого урока у Шишкина была в пятом.

Однако пятиклашки до такой степени были взбудоражены утренней линейкой, что Шишкин понял: надо что-то в тему.

– А кто из вас помнит стихотворение Корнея Чуковского «Путаница»? Что там сделали лисички?

После некоторого замешательства в классе, руку степенно подняла Наталья Ивановна Михайлова-вторая, дочка «географини» Натальи Николаевны, и продекламировала, смущаясь:

– «...А лисички
Взяли спички,
К морю синему пошли,
Море синее зажгли.»

– Вот такая опасная штука – спички, – сказал с тяжёлым вздохом Шишкин-младший. – Так что, братцы мои, с огнём не шутите.

– Такого не бывает!

– Это нарочно придумано, для смеха!

– Да чо мы – маленькие!

– Вода не горит, наоборот ею тушат!

Класс загалдел.

Шишкин властным движением руки установил тишину.

– А вот и нет! На что поспорим?

Пятиклашки с азартом уставились на учителя, отчаянно морщась.

– А давайте так, – заговорщицким тоном предложил Александр.
– Если я проспорю, то целую неделю никого не буду спрашивать на уроках, а если вы – то на уроке русского языка напишем дополнительный диктант? Согласны?

– Да-а! – хором грянул класс.

– Ну, какое у нас тут море есть поблизости? Байкал подойдёт? Это, конечно, озеро, но все, кто живёт на его берегах, называют его морем, даже морем-океаном. Согласны на Байкал?

– Согласны!

– А поднимите руки, кто был на Байкале или у кого там родня живёт?

Взлетело с десятков рук.

– Ну, вот, сможете меня перепроверить. Напишите своим родственникам письма, объясните, что я вам сейчас скажу, пусть подтвердят или нет. Итак, я утверждаю, что Байкал можно поджечь. Правда, только зимой.

Александр оглядел притихших пятиклашек.

– Обычными спичками. И байкальские рыбаки это знают...

Он выдержал многозначительную паузу, с удовольствием наблюдая три десятка устремлённых на него недоверчивых взглядов.

– Так вот, милые мои. В некоторых местах на Байкале, особенно там, где в него впадает река Селенга, подо льдом скапливается поднимающийся со дна горючий газ метан. И если в этом месте пробить во льду лунку и бросить туда зажжённую спичку – из лунки вырывается столб огня! Но сделать это можно только с бо-оль-шой осторожностью, потому как в местах скопления газа очень тонкий лёд. Ну и обжечься запросто можно. Вот так... А теперь представьте, если на воде такое творится, что будет в сухом хвойном лесу или на поле сухой травы, если там спичками чиркать?

– Пожарище! – выдохнул нестройный хор.

– Вот почему и прошу вас всех: ни в коем случае не поджигайте сухую траву – побежит огонь, а куда – только ему и ведомо. А если ещё ветер – такое пламя загудит!

– А мы с дедой траву на нашем покосном уголье жгли. Деда говорит, что если старое бодыльё не выжечь – новая трава плохо уродится, да и косить её по прошлогодним бодылям – только косу тупить, – сказал, с подозрением глядя на Шишкина, Колька Карпов. – И меня

тоже папка всегда налысо стригёт летом. Папка говорит, что гуще новые волосы к зиме вырастут.

Класс засмеялся. Засмеялся и Шишкин, представив, как Карпов-старший, уменьшенный до гномика, разгуливает с косой у сына на голове.

– Новые-то волосы, может, и вырастут погуще, – отсмеявшись, сказал Шишкин, – подстрижка не огонь. А огонь, милые мои, он ведь не только старую траву выжигает на поле, но и само поле припекает. И запекается коркой самый полезный слой, в котором образуются корешки новой, молодой травки. Вот спросите у Веры Петровны на ботанике, что такое гумус и почему он необходим для растений. Этот самый гумус и запекается.

Шишкин взял мел и крупно написал на доске: «Газ метан», «Гумус». Краем глаза видел: переписывает малышня незнакомые слова в тетрадки.

Надо ли говорить, что спор у малышни хитрец Шишкин-Пушкин выиграл. И пришлось пятиклашкам пару недель спустя безропотно писать дополнительный диктант. Но он под конец учебного года и не лишним оказался – для закрепления пройденного.

3.

А Шишкин-младший справил себе новый костюм. И не хуже прежнего. Обошёлся он, правда, недёшево – в месячную зарплату, но того стоил! Ореол славы в этот день сиял просто неимоверно! Без этой славы и с костюмчиком-то вряд ли бы что получилось.

– Сергеич, – отозвал Шишкина после уроков в сторонку завхоз Терентьич – вот уж совершенно с чекистским конспиративным видом: связник, сопровождающий жену Штирлица на короткое свиданьице в берлинское кафе «Элефант», может нервно курить в сторонке! – Сергеич, ты выбери время до закрытия магазина и найди там супруженицу мою, Марию Поликарповну... Обязательно сегодня! Ашуркова, жеж, с собой не тащи. А то где наш трудовик, там и Клавка, а где Клавка – там полна лавка!.. Спонял? Ну, будь. Но сегодня, жеж, сегодня...

Предчувствуя нечто приятное – из-под прилавка! – Шишкин-младший прихватил с собой всю имеющуюся наличность и поспешил в «сельпо». Но оказалось, что вполне хватило сто двадцати «рябчиков».

Мария Поликарповна, по-царственному благосклонно и величаво, завела молодого учителя в подсобку, окинула его оценивающе пристальным взглядом и зашуршала полиэтиленом в одной из объёмистых коробок рифлёного картона. Извлекла на свет два мужских костюма – на плечиках! что даже бы и Фоме неверующему не позволило усомниться: импорт! Один костюм, чёрный, в еле заметную полоску, посверкивал искорками под источающей жар над головой лампой-двухсоткой; другой, тёмно-коричневый, в полоску более заметную, и без искорки, смотрелся не менее импозантно.

– Японские! – раскинув полные руки, крутнула директорша «сельпо» перед носом Александра оба костюма. – По последней моде! Какой?

– А померить можно? – робко спросил Шишкин-младший.

– Конечно! – расплылась радушной улыбкой Поликарповна. – Вот тут у девок зеркало, – отдернула она занавеску, за которой оказались целое трюмо, рукомойник, столик с двумя хлипкими табуреточками, на стенке – полочка с чашками, сахарницей и другой чаепитальной обязателькой. – Но и так скажу вам, Александр Сергеич, – оба как по вам сшиты. Но померяйте, померяйте... – И она деликатно выплыла в торговый зал, где тут же обрушилась на переругивающуюся с парой мужичков Любку: – Да што ты с ними лаешься! Напиши объявление и прилепи себе на весы: «Белой водки нет, и не ожидается – ликёроводочный завод на ремонте!».

– Вопросы есть? Вопросов нет! – это Поликарповна уже мужичкам.

«Ну это вряд ли, – улыбнулся про себя Шишкин. – Чтоб областного водочного монстра остановили! Да не в жизнь! В самом жутком случае одну поточную линию могут на ремонт поставить, но чтобы весь завод... Революция начнётся! И пойдёт на баррикады не пьющий люд, а чиновничье войско – это ж кошмарные убытки для областного бюджета и прочих госкарманов. Называла как-то маман Шишкина какую-то умопомрачительную сумму... Не-е-ет! Это «ландрасский вепрь» мужикам аукается...»²

Оба костюма, и впрямь, словно по Шишкину сшиты. Остановился он – не сразу – на коричневом. Мелькнула поначалу мыслишка раскатать губу на оба, но победила скромность, а больше не она – к скром-

² См. во втором томе «Иронизмов» историю третьего подвига А.С. Шишкина.

ности Шишкин-младший относился довольно снисходительно – победило некое предубеждение: чёрный – это тождественно свадебному, тем более, этот шедевр «Made in Japan» – с искоркой. О грустном не хотелось.

В тон костюму в «закромах» Марии Поликарповны обнаружили и шикарные японские «корочки» – невесомые тёмно-коричневые туфли, отливающие благородной чуть притушенной лакировкой. В общем, из магазина Шишкин-младший вышел – кум королю, с аккуратно перевязанным бечёвочным шпагатом свёртком.

И столкнулся на крыльце «сельпо» с Анжеликой.

– Привет, Саша! – загадочно улыбнулась фельдшерница. – Не окольцевали ещё... в Кашулане?

– Да ладно тебе... – буркнул Шишкин-младший, чувствуя, как лицо заливает алая краска. И оглушительно чихнул!

– Да ты простыл! – воскликнула Анжелика. – Небось, последствия вчерашней битвы со стихией? Приходи ко мне лечиться... И корова, и волчица, и... жучок-паучок... – Она обволокла Александра грудным смешком и новой загадочной улыбкой. И что-то в этом её поведении насторожило Шишкина-младшего, а вот что – непонятно.

Анжелика грациозно, с эффектом повиливая филейной частью, зашла в магазин, а Шишкин с испорченным настроением ступил с крыльца.

– Шишкин? Сашок?!

Он обернулся. Из синего «уазика» (что уже само по себе являлось экзотикой, потому как везде и всюду «четыреста шестьдесят девятые» были крашены одинаково – в зеленовато-коричневый, «защитный», цвет «хаки») вылазило что-то большое и знакомое.

Автор этих строк не уточнял, какого роста и габаритов был классик, родивший «Капитал», но гордо посаженная голова пассажира «уазика», с буйной чёрной шевелюрой и щегольски подстриженной бородкой той же масти, так и просилась на канонический портрет. Как в старом анекдоте про Вовочку, которого учитель спросил, показывая на висящий над классной доской такой портрет: «А кто это изображён?», на что Вовочка ответил, что это школьный истопник дядя Вася. Учитель в испуге призвал директора, но и ему школьник ответил то же самое. Призвали дядю Васю. Мать божья – одно лицо! «Дядя Вася! – закричал директор. – Ты хотя бы бороду сбрил – дети

путаются!» – «Бороду сбрить можно, – согласился истопник, однако постучал себя по лбу. – А умище-то куда денешь?». Действительно! Вот и сейчас. Классика коммунистического учения Шишкин-младший признал, а вот пассажира «уазика» никак не получалось.

– Сосед! – «К. Маркс» обеими руками хлопнул Александра по плечам. – Шишкин! Сколько лет, сколько зим!

«Ба-а!» – изумлённо проорал внутренний голос. – Так это же Сашка Колпакиди!» Старшего отпрыска тётки Эли Шишкин-младший последний раз лицезрел две пятилетки назад, когда тот, закончив школу, укатил в Симферополь. И ведал про тётку только то, что в прошлом году, появившись в селе, сообщила его сестрица Машуля: развёлся, вернулся к родным пенатам, папаша устроил к себе, в службу снабжения областного геологоуправления.

– Ты?!

– Я!

– А тут-то какими ветрами?

– Неисповедимы пути снабженческие! – захохотал Колпакиди. – Нет, Машка мне говорила, куда тебя черти занесли, но сегодня мне тут даже в голову не пришло! Однако кто-то сверху, – Колпакиди ткнул пальцем в небо, – напомнил! Это дело надо отметить! Тут что-то злачное-то имеется?

– Только колхозная столовка с комплексным обедом...

– Фу! На безрыбье, конечно, и рыба раком станет, но... – Колпакиди многозначительно поднял указательный палец. – Плох тот снабженец, который умудрился уподобиться сапожнику без сапог. Давай-ка, тётка, куда-нибудь под кустики отъедем. Что-то на природу захотелось! Свежим... коньячком-шашлычком подышать! Ты не торопишься? – спохватился поинтересоваться.

Шишкин-младший пожал плечами.

– Да, вроде, нет.

– Вот и прекрасно. Шашлык-машлык, извини, не обещаю. Знал бы, что встретимся – ей-богу бы замариновал. Но, надеюсь, и так не пропадём. Где тут у вас красоты неописуемые, панорамы волнительные, слезу вышибающие просторами отчизны?

Шишкин-младший покрутил головой.

– Ну, можно вон на ту сопочку перед селом подняться, – показал он на увАлок, с которого сбегала чёрная лента шоссе и который уже хорошо известен читателю из истории с «вепрем».

– Идёт! – радостно кивнул Колпакиди. – Минуточку только обожди – парой слов с начальницей этой торговой точки перекинусь. – И он резво взбежал на крыльцо «сельпо».

И действительно, пробыл в магазине всего ничего. Погрузились в «уазик» и покатали на обозначенный бугор.

– Сашок, – обернулся к расположившемуся на заднем сиденье Шишкину возбуждённый Колпакиди. – А это что там за Мерлин Монро мне в магазине повстречалась? Мля, ваще!

Шишкин наморщил лоб, не сразу врубившись в вопрос. Мерлин? Ни продавщица Любка, ни тем более Мария Поликарповна и рядом не стояли. А больше там женского полу и не было... А-а, Анжелика!

– В синем плащике? – уточнил он.

– Да-да-да! – ёрзнул на сиденье Колпакиди.

– Фельдшерица наша, Анжелика.

– Ни себе чего! Такая без таблеток вылечит! А имечко! Па-а-риж! Булонский лес! Елисейское, блин, поле! – Чёрные маслины глаз сверкали у Колпакиди, как два драгоценных камня. – Фельдшерица, стало быть... Прекрасно! И что она из себя? Замужем? Дети?

– Ни того, ни другого.

– Ну надо же! – искренне удивился Колпакиди. – При таком товарном виде! И в самом соку!..

– Видимо, не торопится, – ответил Александр, поскорее желая закрыть эту тему, но тёзка не унимался.

– Из местных девушка? А кто родители?

– Из местных. Родители в прошлом году в мир иной...

– Сиротка, стало быть... – с непонятым удовлетворением потрянул пышной шевелюрой «К. Маркс» и прогнулсявил:

*И пошел я по свету скитаться,
По карманам я начал шмонать,
По чужим, по буржуйским карманам,
Стал рубли и копейки сшиба-ать...*

– Радуйся, что она тебя не слышит, – усмехнулся Шишкин. – Лекарша наша на язычок-то остра, а может за такие песнопения и по мордасам...

– Каюсь, не со зла. Дурак! Исправлюсь! – захохотал Колпакиди.

Взлетев на увалок, молчаливый водитель развернул «уазик» радиатором в сторону раскинувшейся внизу панорамы села. Практически на том же самом месте, откуда в своё время история с «вепрем» началась.

Колпакиди первым выбрался из машины, заложив руки за шею, потянулся, довольно жмурясь на припекающем апрельском солнышке.

– Лепота!.. Познакомьтесь, кстати, – обозначил, наконец-то. – Это Игорёк, неутомимый ездок на этом голубом коне... – Он похлопал «уазик» по капоту.

– Не голубой, а цвета «босфор», – обиженно протянул водитель.

– Прости... – картинно прижал ладонь к груди Колпакиди. – Исключительно «босфор». А это, Игорёк, мой давнишний приятель и сосед Александр. Его и мои предки – вообще не разлей вода.

«Да уж...» – ехидно подумалось Шишкину-младшему. В это как-то мало верилось, хотя, по разговорам с маман, отношения между Шишкиными-старшими и Колпакиди-соседями после замужества Машули действительно перешли в стадию застольно-гастрономического добрососедства. В общем, над всей Испанией безоблачное небо – угроза вероломного греческого нападения миновала. За ненадобностью в текущий момент.

Водитель Игорёк уже привычно уставлял капот всякой всячиной из картонной коробки, которая до этого почивала на заднем сиденье «уазика». «Походный паёк» впечатлил даже Шишкина-младшего: сухокопчёная колбаска, малосольная сёмга в плоской стеклянной баночке и нежнейший лососевый балычок, маринованные огурчики-мизинчики в стеклотаре с завинчивающейся крышечкой, колобок ноздрястого ярко-жёлтого сыра в красной полиэтиленовой упаковке, завернутый в фольгу уже нарезанный ломтиками ароматный от тмина ржаной хлеб, лимончик, который Игорёк тут же умело порезал на кружочки впечатляющей «финкой» с наборной плексигласовой рукоятью.

Наконец, из коробки на свет появились четыре бутылочки «пепси» и поллитровка армянского коньяку «Ахтамар». Из отдельного, под кожу, футляра появились и завершили сервировку «стола» мельхиоровые стопочки, вилочки и пачка бумажных салфеток.

Игорёк тут же наполнил две стопки коньяком и поддел вделанной в головку рукояти ножа петлёй-открывашкой пробки на трёх бутылочках дефицитнейшей «пепси-колы».

– Ну, давай, тёзка, за встречу! – поднял стопку Колпакиди.

Дальше пошёл его нескончаемый монолог, перемежающийся лаконичными тостами, опять же узурпированными Александром-

старшим. Из монолога Шишкин-младший узнал, что с недавних пор именно Колпакиди А.Г. курирует вопросы снабжения всем необходимым обосновавшихся за рекой геологоразведчиков и, стало быть, «поддерживает деловые контакты» с Марией Поликарповной Лапердиной – чмаровской «владычицей морскою».

Развесёлый снабженец Колпакиди даже пропел «под занавес» нечто браваурное, из которого Шишкин-младший уловил лишь несколько строк:

*Там, где раньше бродили медведи,
Там, где в небо вонзается кедр, –
Там вершат за победой победу
Боевые разведчики недр!
Там-та-там!..*

– Будем видеться, тёзка! – прокричал из кабины «уазика», улыбаясь всеми тремя десятками зубов, Колпакиди, когда через пару часов отбывал в город. Перед этим, конечно, не только довёз Шишкина до дому, но и прошёлся по квартире, оглядел всё до мелочей и выдал торжественное обещание:

– Где-то через неделю опять к вам нагряну. Японскую «аляску» тебе привезу, а то, смотрю, в каком-то драп-пез-доне рассекаешь, чем даже где-то, Шишкин, ты меня расстроил!

Шишкин-младший дернулся, было, рассказать об утрате на пожаре своего моднячего плаща, но понял, что это ни к чему. К тому же, вставить хотя бы словечко в нескончаемый монолог Колпакиди возможности не имелось, как и смысла. Александр-старший слышал только самого себя.

«Уазик» цвета «босфор» укатил в город, но на этом вторник славы для Шишкина-младшего не закончился.

В апрельских сумерках припожаловала Анжелика!

Вот уж кого Шишкин-младший, прикорнувший, было, после раздавленной с Колпакиди бутылочки «Ахтамар», меньше всего жаждал увидеть. Он и так её, особенно после возникновения «отношений» с Танюшей, старался избегать, а тут куда денешься.

– Чихаешь, Шишкин? – с порога спросила фельдшерица. – О-о, вижу! Глаза красные и блестят. Реально простымши вы, добрый молодец. Значит, так... – привычно заявила лекарша. – Послушаем организм. Раздевайся до пояса. Раздевайся, не изнасилую. – Она вытаци-

ла из своей неизменной сумки фонендоскоп и градусник. Обслушав Александра, глянула на градусник. – Острое респираторное заболевание, симптомов гриппа не наблюдаю. И это хорошо. Заразу в массы не понесёшь. Вот тебе микстура. Три раза в день по столовой ложке. Больше ничего не надо. Однако, что-то от вас, драгоценный, спиртным наносит. Или слава на головушку так сильно обрушилась?

– Да нет, – пожал плечами Шишкин-младший. – Просто знакомого встретил. Десяток лет не виделись.

– Это того бородатого еврея, что с Поликарповной в магазине шушукался?

– Во-первых, он не еврей, а чистый грек. Во-вторых, не знаю, шушукался он с Поликарповной или нет. И в-третьих. Это старший брат той самой Машули, которая теперь Ткачёва и вскоре отбудет со своим благоверным в Северную... апчи!... Пальмиру, – проговорил Шишкин-младший в нос.

– Будь здоров! Ну, надо же, какие встречи! А чем занимается твой городской сосед? – в глазах Анжелики читался конкретный интерес.

– Геологов дефицитом снабжает.

Глазки Анжелики разгорелись ещё сильнее.

–. Это тех, которые у нас в заречье?

Александр кивнул и снова чихнул. Ну надо же, сколько на бугре стояли – ни разу, а тут... А может, это аллергия? На Анжелику?

– Будь здоров ещё раз! – поднялась она со стула. – Значит, микстуру по столовой ложке три раза в день, перед едой! Всё, пока. Провожать не надо.

«Да я и не собирался!» – чуть не ляпнул Шишкин-младший.

Анжелика снова, как днём у магазина, загадочно улыбнулась и ушла.

«Шишкин, а тебе не кажется странной эта прорезавшаяся забота о твоём здоровье? – спросил внутренний голос с интонацией гестаповца Мюллера в исполнении артиста Броневого. – То не было-не было, а тут на пустяковый чих прискакала...» – «Кажется, – ответил Шишкин. – Будем считать – апрель, весна, капель...» Но подумалось другое. Неспроста у магазина Анжелка про Кашулан заикнулась. Не даёт ей, видимо, покоя ситуация с ним, Шишкиным. Отверг ради доярочки! И не в доярочке дело, а в самом факте! Не она его, а он её! Эта загадочная улыбка... Для обольщения у Анжелки другая припасена.

Он с подозрением оглядел пузырьёк с микстурой, вынул пробочку, нюхнул. Пахнуло лекарственным. «Да нет, – усовестил себя Александр. – Уж такие страсти-мордасти... Анжелка и Лукреция Борджиа... Со всем ты, парень, рехнулся! Дистанции огромного размера, как выразился полковник Скалозуб у твоего двойного великого тёзки...»

Александр взял пузырьёк, отправился на кухню, достал из ящика стола большую ложку и уж чуть не наполнил её, но вспомнил: Анжелика сказала пить натошак. «Вот завтра с утра и начнём!» Шишкин-младший заткнул флакончик и поставил его на подоконник.

А в это время коварная Анжелика, похихатывая, не спеша променяла до дому, предвкушая гарантированный бабкой Сидорихой приворотный эффект. На зелье-снадобье знахарка не поскупилась – налила Анжелке две трети поллитровки. И самую красивую стеклотару выбрала – из-под сорокатрёхградусной «Старки» – с благородной чёрной этикеткой.

Анжелка принесла бутылку в медпункт, перелила часть в аптечный пузырьёк. Отставив бутылку в сторону, на стеклянную полочку медицинской этажерочки, тоже понюхала зелье в пузырьёке, как Шишкин опосля.

Подумала и капнула во флакончик корвалолу. Всё! Тут же дух медицинский всю травяную духмень перебил.

И пора ехать зелью в фельдшерской сумке к нашему подопытному кролику. И притаиться у того на кухонном подоконнике змеюкой подколодную.

Про змеюку – это не для красного словца.

Маруська Сидорихина тоже клювом понапрасну не щёлкала. Со всей нимфоманской догадливостью попетрила, когда ей по приезду новости дочура излагала, для кого Анжелка снадобье приворотное заказывает. «А вот ни тебе и ни мне!» – злорадно заключила Маруська.

Улучила момент, когда мамаша-знахарка готовый «продукт» спроворит да в бутылку нальёт. Старушка – до ветру, а Маруська отлила в поганое ведро с четверть содержимого бутылки и взамен набулькала до прежнего уровня одной гадкой гадости из бабкиных запасов. Уж знала, чего долить!..

... Чуть замешкалась Анжелка на рабочем месте. Хлопнула дверь, забухали тяжёлые шаги – дверной проём перегородила фигура Егора Непомнящих.

– Вечеруешь? ЗдорОво... – пробурчал и с шумным вздохом опустился на стул.

– Что случилось? – привычно спросила Анжелика, хотя прекрасно знала: ни-че-го.

– Повидаться зашёл, – угрюмо буркнул великовозрастный председательский сынок. «Повидаться» он заходил с настырностью за-программированного робота. Сопел в обе норки, но чтобы чего существенного вымолвить – куда с добром! Иногда – под настроение – Анжелику это смешило, чаще – раздражало. И тогда она начинала горе-ухажёра потихоньку раздраконивать.

– Слушай, Егор, ты для чего сюда ходишь? Придёшь, сидишь, сопишь... Это ты, как бы ухаживаешь за мной, ага? Ну чего молчишь? Хоть бы шоколадку принёс.

– Принесу... А тебе какую?

– А мне какую не дай – любую сожру! – захохотала Анжелика. – Странный ты, Егорша, человек! Всё-то тебе надо подсказывать. Вот, например, в кино я люблю ходить. Взял бы да пригласил...

– Так... эта... пойдём.

– «Эта-вотэта!» – передразнила Анжела. – Да после такой твоей «настойчивости» вообще никуда идти не хочется! Кавалер! Может, мне ещё заместо тебя саму себя уговаривать, а?

– А чо ты в субботу делаешь вечером?

– «Чо делаешь»... – вздохнула Анжела. – Ты ж целый институт закончил! «Чо делаешь»... Как был, так и остался... У тебя же мать русскому языку ребятню учит, ты-то в кого такой пень?

– Ну, так и чо в субботу-то? – непробиваемо переспросил Егор.

– А ты заходи в понедельник – расскажу! – снова засмеялась Анжелика, с откровенно дерзким и наглым видом. Тут же резко поднялась из-за стола и, делано зевая, проговорила: – Иди-ка ты, Егорша, домой. Некогда мне с тобой тут в молчанку играть. Мне ещё больных на дому надо посетить.

Она вышла в другую комнату, чем-то там зашуршала.

Егор тяжело вздохнул, тоскливым взором обвёл медкабинет и... увидел на полке початую бутылку «Старки».

Что там в голове у него щёлкнуло – кто знает, но, воровато оглянувшись, Егор шагнул к этажерке, схватил бутылку и ливанул в горло. Видимо, от отчаяния неразделённой любви.

Это была демоверсия книги - Петров О.Г. Аз, Буки...Viscolicus, или Тринадцать подвигов Шишкина: повесть в историях (окончание). Бонус. Стихобреньки. Дневник.

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34